

3
(53)

сентябрь
2013

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

ВОПРОСЫ МЕДИЕВИСТИКИ

Учредитель: *Институт славяноведения
Российской академии наук*

*Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору за
соблюдением законодательства в
сфере массовых коммуникаций и охране
культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС 77-27797
от 12 апреля 2007 г.*

Редакционная коллегия:

*В. П. Аникин (д.ф.н., проф.),
М. Гардзанини (д.ф., проф.),
А. А. Гиппиус (д.ф.н., чл.-корр. РАН),
А. А. Горский (д.и.н., проф.),
В. П. Гребенюк (д.ф.н., проф.),
И. Г. Добродомов (д.ф.н., проф.),
А. М. Камчатнов (д.ф.н., проф.),
В. М. Кириллин (д.ф.н., проф.),
Е. Л. Конявская (д.ф.н., гл. редактор),
С. В. Конявская (к.ф.н., доцент),
Н. Ф. Котляр (д.и.н., проф., чл.-корр.
НАН Украины),
И. А. Кочетков (к. иск.),
О. Ф. Кудрявцев (д.и.н., проф.),
Ю. А. Лабьинцев (д.ф.н., проф.),
П. В. Лукин (к.и.н.),
К. А. Максимович (д.ф.н.),
В. В. Мильков (д. филос.н.),
А. В. Назаренко (д.и.н.),
А. Е. Петров (к.и.н.),
М. Л. Ремнева (д.ф.н., проф.),
А. А. Турилов (к.и.н.),
игумен Тихон (Полянский) (к.филос.н.),
С. Э. Чернов (д.и.н.)
Б. Н. Флоря (д.и.н., проф., чл.-корр. РАН),
М. С. Фомина (к.ф.н.),
Л. Штайндорф (д.и., проф.),
Е. М. Юхименко (д.ф.н.),
В. Л. Янин (д.и.н., проф., ак. РАН)*

Верстка: И. С. Агафонов

Выпускающий редактор: С. В. Конявская

Технический редактор: О. С. Глухова

Корректоры: А. В. Духанина, Л. В. Николаева

www.drevnyaya.ru

Усвоение этого комплекса идеалов и норм, по крайней мере, русской элитой демонстрирует Поучение Владимира Мономаха, которое, предназначаясь для гораздо более узкого адресата, имеет целый ряд совпадающих тезисов. Свое Поучение Владимир Мономах, философски размышляя о смерти — «сedia на санех», готовящихся везти его в последний путь, оставляет «детям», как по крови, так и вообще наследникам, потомкам. «Первое, Бога дѣля и душа своя, страх имѣйте Божий в сердце своем и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру»².

Основным авторитетным литературным источником, к которому апеллирует князь в своем Поучении, становится Псалтырь. Отбор стихов Псалтыри явно не случаен — Владимира занимает вопрос о прижизненном и посмертном воздаянии за грехи. Он уверен в посмертном воздаянии праведникам: «аще есть плодъ праведника, и есть убо Богъ судий земли». Поэтому душа человека не должна лениться, а всегда должна быть готова предстать перед Богом: «внезапу бо человекъ погыбает».

Владимир Мономах применяет и к повседневности христианские этические нормы: «Яди и питыю бесъ плища велика быти, при старых молчати, премудрыхъ слушати, старѣишимъ покарятися, с точными и меншими любовь имѣти; без лука бесѣдуше, а много разумѣти; не сверѣповати словомъ, ни хулити бесѣдою, не обило смѣяться, срамлятися старѣиших, к женам нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горе». Перекликается с наставлениями Луки и призыв Мономаха быть непременно на утренней службе, соблюдать вечернюю молитву и «ночнымъ поклоны». Вслед за Лукой завещает он детям «кормить» убогих, сирот и вдовиц, гордости не иметь в своем сердце и уме. Своим потомкам он желает Евангельской мудрости: «Яко отецъ, чадо свое любя, бя, и пакы привлечь е к собѣ, тако же и Господь нашъ показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаянемъ, слезами и милостынею... Да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствия не лишитися». Есть и многие другие сходные мотивы у двух рассматриваемых Поучений.

Таким образом, очевидна близость представления епископа Луки и образованного князя-христианина о пути и способах духовного спасения. Владимиру Мономаху удалось превратить христианскую этику в закон повседневной жизни, в ориентир не только для монаха или прихожанина, но и для человека, облеченного властью, для князя.

² Текст цитируется по: БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 456–474.

Е. В. Джиджора (Одесса)

СИМВОЛИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ИЗЛОЖЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ГИМНОГРАФИИ XI–XII в. (теоретические аспекты)

Древнерусская гимнография XI–XIII в. относится к архаичному типу литературного творчества [Демин, с. 9], основанного, по мнению теоретиков, на традиционалистском типе художественного сознания [Аверинцев, Андреев и др., с. 4]. Именно традиционалистским типом художественного сознания обусловлена литературная формация XI–XV в., в которой, как полагает А. Н. Ужанков, наблюдается теоцентричная и назидательная направленность писательской деятельности, посвященной спасению души и потому ориентированной на Св. Писание [Ужанков, с. 92].

Ориентация на Св. Писание проявляется в «припоминании» сюжетов и образов, воссозданных в библейских книгах. Библейский материал позволяет авторам средневековых сочинений соотнести «теперешнее» (то, что происходит «сейчас» и является предметом литературного осмысления) с «первоосновой» (тем, что происходило в священной истории по Промыслу Божьему). Следовательно, божественное Откровение становится способом оценивания того, что происходит в мире, на предмет степени соответствия «прописанному» положению вещей.

В традиционалистской литературе такие образы-«первоосновы» выполняют функцию символа — они называют «теперешнюю» ситуацию или персонажа своим «предустановленным» именем. Эти символы подлежат читательской интерпретации, своеобразному «отгадыванию», как писал С. Аверинцев [Аверинцев, с. 135–156].

В средневековой литературе познание-«отгадывание» воссоздаваемой картины мира, зашифрованной символами, осуществляется путем соотнесения двух элементов — «теперешнего» и «первоосновы». В результате такого соотнесения семантика одного из элементов переносится на другой и наоборот, и между элементами образуется иерархическая субординация, устанавливающая «частичное — неполное!!! — сходство» [Александров, с. 72]. Значит, символизация картины мира — это обнаружение

«сопричастности» [Арабаджи, с. 532] элементов, один из которых представляет собой «идеальное» («образец», как это называл Дионисий Ареопагит), а другой — конкретное воплощение «идеального» в «теперешнем» материале.

Литературное освоение «идеальных образцов» достигается, прежде всего, при помощи цитирования «нормативных» произведений. Цитаты из Библии и сочинений авторитетных Отцов Церкви выступают структурной основой средневекового текста и выполняют в нем функцию «тематического ключа» [Пиккио, с. 431–473], как бы открывающего «двери» понимания заложенной в нем сути. Современные исследователи предлагают такую классификацию цитат в средневековой литературе: «I. Ссылка на понятия и реалии (события или лица): 1. Упоминания без какого-либо комментария; 2. Толкование понятий или описание реалий (изложение событий, перечень их участников). II. Цитата: 1. Аллюзия; 2. Парафраз или пересказ; 3. Прямая цитата. III. Инсценировка (пересказ события или понятия в диалоге): 1. Парафраз; 2. Цитата; 3. Композиционное объединение цитат» [Гардзанити, с. 30]. Согласно данной классификации, цитирование «первооснов» предполагает как беглое припоминание чего-то важного, так и полное описание поучительного священно-исторического эпизода; как пересказ, так и точную цитату; использование как «своего», так и «чужого», но авторитетного высказывания, которое может даже перерасти в амплификацию.

Итак, в древнерусской гимнографии символизация литературного изложения осуществляется в трех формах, дополняющих одна другую как согласованные части целого.

Первая форма — установление сопричастности явлению (узнаваемому герою или событию). Тут «теперешний» образ соотносится с «первоосновой» по четырем характерным признакам: возникает на библейской/небиблейской основе; является личностным/неличностным (вещественным); предстает в тексте в развернутом/неразвернутом виде; может соответствовать «идеальному образцу» в недостаточной/равной/превосходящей мере.

Вторая форма — установление сопричастности имени/названию (имянаречение особы или объекта). В средневековом сочинении «теперешний» материал порой предстает настолько сопричастным «первооснове», что автор вместо настоящего имени или названия начинает употреблять соответствующие ему библейские или святоотеческие имена и названия.

Третья форма — установление сопричастности Богу. Воссозданный в средневековой гимнографии герой (чаще всего, святой) символично соединяется с Богом посредством энергий. Божественная благодать и неземной свет в пространстве героя позволяют ему творить чудеса и тем самым делают его сопричастным Богу.

Символизация литературного изложения в трех обозначенных формах рассматривается на примере как переводных, так и оригинальных памятников ранней древнерусской гимнографии XI–XII вв.: Великого Покаянного канона Андрея Критского, Службы Воздвижению Животворящего Креста Козьмы Маюмского, Службы Борису и Глебу митрополита Иоанна II (?), анонимной Службы на перенесение мощей Бориса и Глеба, анонимной Службы княгине Ольге, анонимной Службы князю Владимиру, Службы Феодосию Печерскому (предположительно Григория, «творца канонов») и Службы на перенесение мощей свт. Николая (также предположительно Григория, «творца канонов»).

Литература

Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.

Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания / Отв. ред. П. А. Гринцер. М., 1994. С. 3–38.

Александров А. В. Символическая структура проповеди в Слове о Законе и Благодати // Серебряный век: Диалог культур. Сб. научных статей по мат-лам Межд. научной конф. памяти проф. С. П. Ильева / Отв. ред. Н. М. Раковская. Одесса, 2003. С. 71–79.

Арабаджи Д. В. Очерки христианского символизма. Одесса, 2008.

Гардзанити М. Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 28–40.

Демин А. С. Древнерусская литература: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова. М., 2003.

Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства / Пер. с англ. О. Беловой // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н. Запольская, В. Калугин. М., 2003. С. 431–473.

Ужанков А. Н. О специфике развития русской литературы XI — первой трети XVIII века: Стадии и формации. М., 2009.

